

ГРИНАВЕЦКИС В. З.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ВОКАЛИЗМА ГОВОРОВ
ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКА

(Редукция гласных и монофтонгизация дифтонгов)

Вокализм говоров литовского языка довольно тщательно исследован (1, 2). Тем не менее отдельные явления все еще требуют объяснения и уточнения. К ним относится, в частности, редукция гласных, охватывающая большую часть территории говоров литовского языка (см. карты З. Зинкявичюса [1, с. 474, 480, 481, 491]).

В настоящей статье на вновь собранном диалектном материале рассматриваются некоторые вопросы распространения и развития редукции гласных в основе и в конечных слогах, а также проблема монофтонгизации дифтонгов.

Р е д у к ц и я г л а с н ы х о с н о в ы с л о в а. I. В жемайтских говорах безударный гласный *e* в определенной позиции превратился в суженный *e* (*i*) [2, с. 175—176; 3, с. 74—79]. За последнее время накопились новые диалектные данные, свидетельствующие о том, что в жемайтских северо-западных дунининкских говорах гласный *e* превратился в *e* в положении, никогда не имеющем основного древнего ударения. Данное преобразование отмечено в следующих случаях:

1. В деминутивном суффиксе *-el-*:

а) в формах всей парадигмы имен существительных и прилагательных, которые, не считая суф. *-el-*, имеют еще и другие деминутивные суффиксы (*-aitis*, *-aitė*; *-elis*, *-elė*; *-ytis*, *-ytė*; *-ukàs*, *-ukė* и т. п.). Ср: *mažėlātes* ~ *mažėlāitis*¹, *mažėlėlės* ~ *mažėlėlis*, *mažėlītės* ~ *mažėlītis*, *mažotėlītės* ~ *mažotėlītis* «малютка, малюсенький», *bruolelātes* ~ *brolelāitis* «братик», *dokrėlītė* ~ *dukrelītė* «доченька», *vaikėlėlės* ~ *vaikėlėlis*, *vāikėlōks* ~ *vaikelūkas* «ребеночек», ср. соответствующие формы с несуженным *-el-* (например: *mažėlītis* ~ *mažėlītis* «малюсенький») в других жемайтских дунининкских говорах, например, в Паграмантисе [4, с. 34—35];

б) в формах звательного падежа ед. числа имен существительных и прилагательных, например: *juonėlė* ~ *Jōneliai* «Иванушка», *māmūnėlė* ~ *māmūneliai* «мамаша, матушка», *māžėlė* ~ *māžėliai* «малютка», *pārūnėlė* ~ *pārūneliai* «папочка» и др. Вместе с тем отмечается, что в формах других падежей вышеприведенных слов, когда деминутивный суф. *-el-* произносится с основным древним ударением, гласный *e* сохраняется без изменения, например: *juonėlės* ~ *Jonėlis* «Иванушка», *māmūnėlė* ~ *māmūnėlė* «матушка» (Лаукува и ее окрестности, Шилальский р-н);

в) в формах сравнительной и превосходной степени имен прилагательных и наречий, например: *baltėlėsnes* ~ *baltėlėsnis* «более белый», *gerėlėsnes* ~ *gerėlėsnis* «более добрый, более качественный», ср. соответствующие формы некоторых других жемайтских говоров: *baltėlėsnis*, *gerėlėsnis* [1, с. 275]; *baltėl'āuseš* ~ *balteliāusis* «самый белый», *menkėl'āuseš* ~ *menkeliāusis* «самый слабый», *pluonėl'āuseš* ~ *ploneliāusis* «наитончайший»; *bāl'tėl'āu* ~ *balteliaū* «немного белее», *gėr'ėl'āu* ~ *gereliaū* «не-

¹ Здесь и далее за тильдой (~) приводится литературное соответствие диалектного примера.

много лучше, немного качественнее»; *baltel'ausijė ~ balteličiusiejai* «белее всех», *pluoņel'ausijė ~ ploneličiusiejai* «тоньше всех» и др.

2. В формах составных числительных *dvidešimti — devyniasdešimti* «двадцать — девяносто»:

а) во втором компоненте числительных *dvidešimti — trisdešimti*, например: *dvėdešimtė ~ dvidešimti* «двадцать», *trėdešimtė ~ trisdešimti* «тридцать»;

б) в окончании первого компонента числительных *kėturiusdešimti — devyniasdešimti*, например: *kėtorezdėšimtė ~ kėturiusdėšimti* «сорок», *pėnkezdėšimtė ~ pėnkiasdėšimti* «пятьдесят», *šėšezdėšimtė ~ šėšiasdėšimti* «шестьдесят», *septinezdėšimtė ~ septyniasdėšimti* «семьдесят», *aštunezdėšimtė ~ aštuoniasdėšimti* «восемьдесят», *devinezdėšimtė ~ devyniasdėšimti* «девяносто».

В данном случае происхождение суженного *ę*, как видно из примеров, иное: оно происходит не из широкого *e*, а из *a* после палатализованных согласных, произносимого как широкий *e* (ср. произношение аналогичных форм вин. падежа мн. числа в литературном языке: *pėmpes* «чибицы» и *lyges < lygias* «ровные»).

Формы вин. падежа имен числительных *kėturius — devynias* при самостоятельном употреблении, а не в составе сложных числительных не сузились *e* (< *ia*): *kėtores ~ kėturius* «четыре», *septines ~ septynias* «семь», *aštunes ~ aštuonias* «восемь», *devines ~ devynias* «девять». Причиной этого является, по-видимому, древнее конечное ударение некоторых подобных числительных (*pėnkės ~ penkiūs* «пять», *šėšės ~ šešiūs* «шесть», ср. еще формы вин. падежа мн. числа прилагательных жен. рода *grāžės ~ gražiūs* «красивые», *žalės ~ žaliūs* «зеленые» и др.).

Поскольку *e* переходит в *ę(i)* лишь в безударном положении, уместен вывод, что данное преобразование является результатом редукции. Редукцией можно объяснить и переход *e* в *ę(i)* в безударном положении перед гетеросиллабическими *m* и *n* [3, с. 78].

Возможно, что редукция, обусловленная позиционно, послужила толчком к сужению первых компонентов циркумфлексных дифтонгических сочетаний *am, an, em, en* в восточноаукштайтском пантининском говоре (ср. *roņka ~ rankā* «рука», *pėņkts ~ pėņktas* «пятый» и *lāngs ~ lāngas* «окно», *pėmpė ~ pėmpė* «чибицы») и *em, en* в пантининском и понтининском говорах (ср. *pėņkts ~ pėņktas* «пятый», но *pėmpė ~ pėmpė* «чибицы»), так как сужение гласных *a, e* данных дифтонгических сочетаний здесь связано с ослабленным их произношением. В положении перед согласными *m, n* сужение гласных *a, e* в первую очередь все-таки обуславливается ассимилятивным влиянием согласных *m, n* [5, с. 19; 2, с. 203—210]. Необходимо отметить, что в жемайтских говорах гласный *a* в позиции между *m* и *n* (или *n* и *m*) сузился тоже прежде всего лишь в безударном положении [3, с. 78].

Как уже было отмечено выше, в большинстве литовских говоров гласный *e* в безударном положении перед гетеросиллабическими *m* и *n* превратился в *i* (в жемайтских говорах в *ę*) [3, с. 74—79]. Однако до сих пор остается неясным происхождение безударного диалектного суф. *-in-* вместо литер. *-en-* имен существительных с основой на согласную, например: *ākmėni ~ ākmeni* «камень» (вин. п. ед. ч.), *vāndėni ~ vāndenį* «воду» и др., где *-in-* может быть и слабой ступенью суф. *-en-*.

В последнее время нами обнаружено, что в жемайтском говоре окрестностей Лаукувы (Шилальский р-н) наряду с формами *ākmėņė ~ ākmeni* «камень» (вин. п. ед. ч.), *ōndėņė ~ vāndenį* «воду» и формами остальных падежей перечисленных слов (где гласный *ę* конца основы сужен) употребляются формы род. п. ед. ч. с несуженным *-en-*, например, *ākmėnc ~ ākmenis* «камня», *ōndėnc ~ vādens* «воды». В данных словоформах гласный *-e-* не сузился потому, что на него падает перенесенное побочное ударение. Приведенные формы с *-en-* ясно показывают, что суженный *-in-(-en-)* других падежных форм происходит только от *-en-*.

Отмечаются также случаи, когда вследствие редукции безударный *e* в северных жемайтских говорах превратился в суженный *ę(i)* и в от-

дельных других словоформах, например: *didil'us* ~ *dīdelius* «большие» (вин. п. мн. ч.), *dīovēnā* ~ *dovēnā* «подарок», *kōpēle/kōpēta/kōpētā/kūpitā*, *kūpile* ~ *kūpelēl' kūpeta*, *kupetā* «копна», *nūotnēṛeṣ* ~ *nōtnerēs* «крапивы» (им. п. мн. ч.), *rudini* ~ *rūdeni* «осень» (вин. п. ед. ч.), *sēsērēi* ~ *sēserie* «сестре», *vūobēlēṣ* ~ *obelis* «яблонь», *ōudēgā* ~ *uodegā* «хвост», *vūovērēs/vūovērēi/vūovīrē* ~ *voveris/voverē* «белка» и др. [6, I, 151, 167, 186; II, 21, 38, 54, 90, 113].

Обнаружено также, что гласный *e* в безударном положении часто переходит в *i* и в западноаукштайтском говоре бывшего Клайпедского края, в окрестностях Плашкяй (Шилутский р-н), например: *akminū* ~ *akmenū* «камень», *karūomine* ~ *karūomenē* «войско», *mīenisis* ~ *mēnesis* «месяц», *šāudmine* ~ *šāudmenio* «боеприпасов» *šīpsina* ~ *šjpsena* «улыбка», *truobisei* ~ *trobesai* «постройки», *abijūoti* ~ *abejōti* «сомневаться» и др.

II. а) В северножемайтских тельшайских говорах и в южножемайтских говорах окрестностей Ужвентиса, Кяльме (Кяльмский р-н) безударные долгие гласные в основе слова сокращаются до кратких [2, с. 247—249]. За последнее время удалось установить, что безударные долгие гласные аналогичным образом сокращаются и в южножемайтском говоре деревни Билёнис и ее окрестностей (Шилальский р-н). В этом говоре прежде всего в проклитическом положении сокращаются до расширенных кратких долгие гласные *y*, *ū* предлогов и префиксов *i(-)* «в», *pry(-)* «при, у», *nū(-)* «от, с», например: *e ōgne* ~ *i ūgni* «в огонь», *estūote* ~ *istōti* «вступать» *prē vāka* ~ *pry vaiko* «при ребенке» *preētē* ~ *pryēti* «подойти», *no stūoga* ~ *nū stōgo* «с крыши», *ņomāute* ~ *ņūmāuti* «снять». Следует отметить, что ударные долгие гласные приведенных префиксов свою исконную долготу сохраняют: *īneš* ~ *īneša* «внесет, -ут», *nūpēn* ~ *nūpēna* «сплетет, -ут», *prījēm* ~ *prījēma* «принимает, -ют» и др.

К количеству древних долгих гласных в префиксах *i-* «в-», *nū-* «от-, с-», *pry-* «при, у-» в говоре дер. Билёнис приравнено и количество древних кратких гласных префиксов *iš-* «вы-, из-, с-», *su-* «с-, по-», *už-* «за-, на-»; это значит, что ударные краткие гласные префиксов *iš-*, *su-*, *už-* здесь всегда удлиняются (*išmēld* ~ *išmelda* «вымаливает, -ют», *sūtēlp* ~ *sūtelpa* «помещается, -ются», *ūžmēn* ~ *ūžmena* «наступает, -ют»), а безударные — сохраняются краткими и расширенными (*ešvērđ* ~ *išvērda* «разваривает, -ют», *sođieje* ~ *sudėjo* «сложил, -ла, -ли», *osāke* ~ *užsāke* «заказал, -ла, -ли»).

В предупдарных слогах основы слова древние долгие гласные *y*, *ū* в этом говоре сокращаются до кратких расширенных, например: *gevēna* ~ *gyvėno* «жил, -ла, -ли», *doksāva* ~ *dūksāvo* «дышал, -ла, -ли», *poštēlninks* ~ *pūštēlninkas* «отшельник», *zelēke* ~ *zylikē* «синичка» и др. В данной позиции здесь одинаково сокращаются и долгие гласные *i*, *u*, соответствующие дифтонгам литературного языка *ie*, *uo*: *pēmēnū* ~ *piemenū* «пастухов» (род. п. мн. ч.), *tēsōmō* ~ *tiesumū* «пряником», *ven'ūlekta* ~ *vieniūolekta* «одиннадцатая», *jođtjē* ~ *juodiejai* «черные» и др. Однако дифтонги говора *ie*, *uo*, соответствующие долгим гласным *ē*, *o* литературного языка, в данной позиции не сокращаются, ср.: *siejles* ~ *sėjėjas* «сеяльщик», *pjuovies* ~ *pjuovėjas* «жнец», *žmuogēles* ~ *žmogėlis* «человек» и др.

Как видно из приведенных примеров, в говоре дер. Билёнис древние долгие гласные сокращаются до кратких и под аттрактивным ударением в тех случаях, когда в других южножемайтских говорах (например, в Лаукуве) они обычно произносятся со средней слоговой интонацией, ср.

pimēnū (Лаукува) и *pēmēnū* (Билёнис) ~ *piemenū* «пастухов». Таким образом, характер сокращения долгих безударных гласных данного южножемайтского говора является совершенно аналогичным сокращению гласных вследствие редукции в северножемайтских тельшайских говорах [2, с. 247—249].

б) Другой очаг редукции безударных долгих гласных локализуется на территории южножемайтского наречия в Расяйнском районе вдоль западноаукштайтской границы. В указанном языковом ареале сокращаются древние долгие *y, ū, o* и долгие *y, ū*, соответствующие дифтонгам *ie, io* литературного языка: *līnksminis ~ līnksminys* «веселишься», *grāndis ~ grāndys* «будет, -ут скрестя», *vālgit ~ vālgyti* «кушать», *darbūjus ~ darbūjuos* «я тружусь», *stēng'us ~ stēngious* «я стараюсь», *bal̄tui ~ bal̄tuoja* «белеет, -ют», *būvat ~ būvot* «вы были», *līkat ~ līkot* «вы остались» и др. (дер. Пумпурай и ее окрестности, Расяйнский р-н).

в) Выявлено, что древние долгие гласные **ā, *ē* (литер. *o, e*) в безударной основе слова в западноаукштайтских шяуляйских и в восточноаукштайтских паневежских говорах в процессе сокращения совпали с краткими гласными *u, i*. Это подтверждает мнение о том, что в процессе сокращения данные долгие гласные **ā, *ē* уже были узкими (т. е. *o, e*, как и в литер. яз.). Однако в безударных окончаниях те же самые гласные **ā, *ē* в указанных выше говорах превратились в краткие *a, e*, из чего ясно, что в период сокращения они в этой позиции еще были широкими (т. е. *ā, ē*).

Как свидетельствуют письменные памятники этого языкового региона, в XVI в. безударные древние долгие гласные в его говорах еще были долгими [7, с. 73].

Р е д у к ц и я к о н е ч н ы х г л а с н ы х. Редукция конечных гласных в говорах литовского языка является двойкой: жемайтской и восточноаукштайтской. Жемайтская редукция конца слова характерна для северо-западной части территории литовского языка, в которую, кроме жемайтских говоров, еще входит и прилегающий к ним ареал северо-западных аукштайтских говоров. Восточноаукштайтская редукция конца слова распространяется и на восточные пограничья западноаукштайтских говоров [8, 9].

Для остальной части территории литовских говоров редукция не характерна. В настоящее время установлено, что в юго-западных аукштайтских говорах в окрестностях Гялгаудишкиса и Гришкабудиса и в прилегающих к ним населенных пунктах (Шакайский р-н) зачастую редуцируется безударное именное окончание *-as*, т. е. выпадает древний краткий *-a* закрытого окончания, например: *dvārs ~ dvāras* «имение», *gērs ~ gēras* «добрый», *sēns ~ sēnas* «старый», *žēms ~ žēmas* «низкий». Однако аналогичное открытое окончание *-(i)a* 3-го лица глаголов наст. времени здесь сохраняется (например: *dīrba* «работает, -ют», *tēka* «течет, текут», *lāukia* «ожидает, -ют», *šaīkia* «призывает, -ют» и др.). Редукция закрытого конца слова с выпадением безударного краткого гласного *a* в именном окончании *-as* спорадически наблюдается и в других юго-западных аукштайтских говорах, распространенных еще дальше к югу, например, в окрестностях Виштитиса и др. [10, с. 149, 152].

О том, что отпадение безударного древнего краткого *-a* в форме 3-го лица глаголов наст. времени является более поздним, чем его выпадение в именном окончании им. падежа ед. числа, свидетельствуют и данные приморского литовского говора бывшей Восточной Пруссии, приведенные Г. Геруллисом и Х. Стангом. Так, словоформы *bāts ~ bādas* «голод», *mēts ~ mētas* «пора; год», *rākts ~ rāktas* «ключ», *krāsts ~ krāstas* «край», *mēgst̄s ~ mēgst̄as* «вязаный» и др. [11, с. 28—29], записанные с краткими ударными *a, e* во вторичных конечных слогах, указывают на то, что в данном говоре гласный *a* в именном окончании *-as* исчез еще тогда, когда ударные древние краткие *a, e* в основе слова сохраняли свою исконную краткость, т. е. произносились кратко.

Необходимо также подчеркнуть, что древний краткий *-(i)a* в окончании формы 3-го лица наст. времени данного говора не во всех глаголах исчез одновременно. На это указывает следующее обстоятельство: после отпадения конечного *-a* в данной форме гласные *a, e* во вторичном окончании этого говора обычно произносятся кратко: *kā̄s ~ kā̄sa* «копает, -ют», *vēd̄ ~ vē̄da* «ведет, -ут», *lē̄k ~ lē̄kia* «летит, -ят», но эти же гласные аналогичного окончания в сочетании с *l, m, n, r* уже произносятся долго и не образуют с последними вторичного дифтонгического сочетания (*bār ~ bāra*

«ругает, -ют», *kāl ~ kāla* «вбивает, -ют», *gēr ~ gēria* «пьет, -ют», *kēl ~ kēlia* «поднимает, -ют») [11, с. 50]. Все это явно свидетельствует о том, что конечный *-a* данной формы после *l, m, n, r* исчез позже, уже после удлинения ударных *a, e* в середине слова, а во всех остальных случаях — раньше, до этого удлинения.

В южножемайских говорах окрестностей Куршенай, Шаукенай, Куртувенай, Ужвентиса (Шяуляйский и Кяльмский р-ны) древний долгий **ē* в безударном окончании им. падежа мн. числа имен существительных и прилагательных сократился до краткого *e* (*kārves ~ kārvēs* «коровы», *rūopes ~ rūpēs* «репы»), а в род. падеже ед. числа — превратился в гласный *i* (*kārvis ~ kārvēs*, *rūopis ~ rūpēs*). Подобное различие в тех же самых падежных окончаниях наблюдается и в северножемайских смежных говорах окрестностей Папила (Акмянский р-н) и Рауденай (Шяуляйский р-н), ср: *kārves ~ kārvēs* «коровы» (род. п. ед. ч.) и *kārves ~ kārvēs* «коровы» (им. п. мн. ч.)

Указанное различие в окончаниях, по-видимому, возникло по причине их одновременного сокращения: гласный *ē* окончания им. п. мн. ч., как баритонированных, так и окситонированных слов, будучи всегда безударным, сократился раньше, нежели *ē* окончания род. п. ед. ч., которое в примерах окситонированных слов является ударным. В связи с этим уместно сравнить аналогичное произношение безударного гласного *u* в окончаниях род. п. мн. ч. и вин. п. ед. ч. в некоторых жемайтских и западноаукштайтских говорах. В окрестностях Гиркальниса (Расяйнский р-н), Юрбаркаса, Ваджгириса, также Пауписа, Эржвилкаса (Юрбаркский р-н) и соседних, например, долгий *u* (< *-un*) в вин. п. ед. ч. всегда произносится кратко (например: *grāžu ~ grāžū* «красивый, красивого», *sūnu ~ sūnu* «сына» и др.), так как окончание вин. п. ед. ч. всегда безударное, а этот же самый безударный конечный *u* баритонированных слов в род. п. мн. ч. здесь произносится долго (например: *vīgu ~ vūgu* «мужчин», *lāpu ~ lāpu* «листьев»), так как его долготу «охраняет» соответствующее долгое ударное окончание окситонированных слов, например: *laukū ~ laukū* «полей», *mažū ~ mažū* «маленьких» [2, с. 216].

Обращает на себя внимание тот факт, что в южножемайском говоре в окрестностях Расяйнй и к нему прилегающем говоре северо-западных аукштайтов безударное окончание *-ēs*, как в род. п. ед. ч., так и им. п. мн. ч., произносится совершенно одинаково как краткий *-es*, например: *kārves ~ kārvēs* «коровы» (род. п. ед. ч. и им. п. мн. ч.), *pēmpes ~ pēmpēs* «чибиса; чибисы».

Причиной такой унификации окончаний скорее всего является их одновременное сокращение. Вместе с тем здесь могло сказаться и аккомодационное влияние твердого конечного *-s*, под влиянием которого широкий *e* в этих говорах превращается в продвинутый вперед гласный *a*².

В южножемайских говорах окрестностей Куршенай, Шаукенай, Куртувенай, также Расяйнй безударный гласный *-ē* абсолютного конца слова, как известно, превратился при сокращении в краткий *i*, например: *lāpi ~ lāpē* «лисица», *sāki ~ sākē* «сказал, -ла, -ли» и др. В данном случае (в открытом окончании) аккомодационное влияние твердого конечного согласного отсутствовало, поэтому конечный безударный *e* мог сузиться раньше, до сокращения окончания, но оставаться все же долгим и лишь позже при сокращении мог превратиться в краткий *i*.

Последнее предположение поддерживают аналогичные диалектные данные северножемайского говора окрестностей Крятинга, в котором вместо безударного древнего **ē* в абсолютном конце слова имеется более узкий *e* (*žēme ~ žēme* «земля», *māte ~ māte* «видел, -ла, -ли»), а в закрытом,

² В этой связи уместно обратить внимание на противоположное явление в юго-западных аукштайтских говорах окрестностей Вилкавишкиса, Шакаяй, Кудиркос, Пауместиса (Шакаяйский р-н) и соседних, когда ударный *e* (как и *a* после мягких согласных открытого слога скорее всего из-за отсутствия любого аккомодационного влияния) произносится более узко, с оттенком дифтонга *ie*, например: *nīša ~ nēša* «несет, -ут», *vīda ~ vēda* «ведет, -ут», *giēras ~ gēras* «добрый»; *keliēvo ~ keliāvo* «путешествовал, -ла, -ли», *važiēvo ~ važiāvo* «ехал, -ла, -ли», *trečiēdienis ~ trečiādienis* «среда» и др.

где возможно аккомодационное влияние конечного твердого -s, произносится более широкий гласный *e*, например: *kātes* ~ *kātēs* «кошки» (им. п. мн. ч.), *žemēs* ~ *žēmēs* «земли» (род. п. ед. ч.) и др. [1, с. 75].

На наш взгляд, сужение в северножемайтских говорах гласного *e* (восходящего к *-ē*, *-e*, *-iā*, *-ēn*) в конечных слогах тоже является следствием редукции [12, с. 97—100]. Данное мнение подтверждается фактами южножемайтского говора окрестностей Лаукувы, Шилале и др., где такой *e* произносится только в безударном окончании, например: *kāte* ~ *katē* «кошку», *būste* ~ *būste* «вы будете», но *kātē* ~ *katē* «кошкой», *kātēs* ~ *katēs* «кошки», *lāukē* ~ *laukē* «на поле» и др.

Переход безударного конечного долгого **ē* в *i* (через ступень *e*), как и ранее упомянутое превращение безударного краткого *e* в *e*, является несомненным результатом редукции.

В говорах литовского языка имеется немало случаев, когда гласные переднего ряда или гласные, продвинутые вперед, вследствие редукции преобразуются в гласные типа *i*. В качестве примера этого прежде всего может служить превращение безударного долгого конечного *ē* (через ступень *e*) в краткий *i* в западноаукштайтском велюонском говоре, превращение всех современных конечных гласных, следующих после мягких согласных, в редуцированный *i* в восточноаукштайтских южнопаневежских говорах.

В итоге можно сказать, что в процессе редукции гласные звуки переходят в более узкие. Этот вывод подтверждают и данные исследований Э. Зинквичюса, согласно которым в южнопаневежском говоре даже *-a*, *-u* и другие конечные гласные в процессе редукции превратились в узкий *v* [13, с. 60].

Безударные конечные гласные севернопаневежских говоров, следующие после мягких согласных, вследствие редукции превратились в бормочущие гласные [1, с. 119—120; 2, с. 276] скорее всего через ступень краткого (или редуцированного) *i*. На такую мысль наводят примеры диалектных текстов А. Баранаускаса, записанные в окрестностях Биржай, например: *k'āli* ~ *keliū* «дорогой», *numirdāmi* ~ *numirdamī* «умирая», *mīslis* ~ *misliis* «мысли» (вин. п. мн. ч.), *szn'āki* ~ *šneki* «говоришь» и др. [14, с. 85—86]; они также убедительно говорят о том, что сравнительно недавно современные краткие конечные гласные в биржайском говоре еще не были так сильно редуцированы, как это имеет место в настоящее время, а произносились как редуцированные, т. е. подобно тому, как в настоящее время они произносятся на территории южнопаневежских говоров.

Данное положение полностью подтверждается и диалектными фактами этих говоров, приведенными К. Яунюсом (1897). Во времена К. Яунюса, например, в окрестностях Пасвалиса (севернопаневежский говор восточных аукштайтов) конечные краткие гласные еще сохраняли свои качественные особенности, т. е. еще не были бормочущими звуками, какими они оказываются в настоящее время [15, с. 135—138].

М о н о ф т о н г и з а ц и я д и ф т о н г о в. В говорах литовского языка имеются случаи монофтонгизации дифтонгов *ie*, *uo*, *ai*, *ei*, *ai*, *ei*. Монофтонгизация последних в определенных случаях наблюдается в жемайтских, в западно- и восточноаукштайтских говорах. Она обычно является результатом или различной редукции одного из компонентов дифтонга, или редукции обоих его компонентов и их слияния в один гласный звук (в конце слова некоторых восточноаукштайтских говоров).

В жемайтских говорах монофтонгизируются конечные дифтонги *ai*, *ei*. При монофтонгизации они образуют долгие гласные *a*, *e* [2, с. 198—202, 170—171]. Так как указанные дифтонги монофтонгизируются как в говорах, в которых сила голоса сильноконечной (протяжной) интонации сосредоточивается на первом компоненте дифтонга, так и в говорах, где сила ее голоса падает на второй компонент (говор окрестностей Куршенай, Куртувенай, Кяунорай, Кяльме и др.), нельзя согласиться с мнением К. Яунюса, что монофтонгизация зависит только от жемайтских различных (прерывистой и протяжной) слоговых интонаций [15,

с. 170—171]. В связи с тем, что второй компонент дифтонгов *ai*, *ei* при произношении йотирован, а конечный *-j* (*-i*) после гласных в жемайтских говорах исчез, по-видимому, остается в силе точка зрения, согласно которой монофтонгизация этих дифтонгов в конце слова скорее всего совпала с процессом исчезновения конечного *j* (*i*) после гласных [2, с. 201].

Однако необходимо подчеркнуть, что в середине слова в большинстве жемайтских говоров монофтонгизация *ai*, *ei* зависит только от жемайтского акута и циркумфлекса [2, с. 201].

В литовских говорах бывшей Восточной Пруссии ударные дифтонги *ai*, *au*, *ei* с акутовой (прерывистой) интонацией превратились в долгие монофтонги *a'*, *e'*, например: *dákts ~ dáiktas* «вещь», *paáškina ~ paáiškino* «объяснил, -ла, -ли», *gal'ásei ~ galiáusiai* «наконец, окончательно», *gásim ~ gáusim* «получим», *láks ~ láuks* «будет, -ут ждать», *sále ~ sáulė* «солнце», *š'áre ~ šiáurė* «север», *ákšts ~ áukštas* «высокий», *áksas ~ áuksas* «золото», *trumpėsei ~ trumpiáusiai* «короче всего»; *aplėsti ~ aplėisti* «запустить» (дер. Рауджяй вблизи Рагайне, сейчас Неман Калининградской обл. РСФСР). Однако в абсолютном конце слова акутовые дифтонги *ái*, *áu*, *éi* в этом говоре монофтонгизации не претерпели, например: *žinái* «ты знаешь», *buváu* «я был», *matéi* «ты видел». Монофтонгизация в рагайнском говоре, по-видимому, связана с прерывистой интонацией, с которой гласные, а также и первые компоненты дифтонгов произносятся как своего рода удвоенные гласные [2, с. 88]. В связи с этим второй компонент таких дифтонгов теряется и таким образом дифтонг редуцируется.

Безударные и ударные с циркумфлексной интонацией дифтонги *ai*, *au*, *ie*, *uo*, *ei* в конце слова в восточноаукштайтских паневежских говорах монофтонгизировались в узкие краткие гласные *e*, *o*, *e*, *o*, *e*. Такая монофтонгизация не является древней; по всей вероятности, она происходила после сокращения окончаний местн. п. ед. ч. имен с основой на гласную *-ā* и *-ē*, т. е. после исчезновения в конце слова *-j* (*i*) после гласных. Подтверждением этого может служить и тот факт, что на сравнительно большой территории этих говоров именные формы указанных основ в дат. и местн. падежах ед. ч. произносятся совершенно одинаково, например: *ruñke ~ rañkai* «руке» и *rañkoje* «в руке» (Биржай) [1, с. 92].

Следует отметить, что конечные дифтонги этих говоров, произносимые с акутовой интонацией, монофтонгизации не подвергались, например: *katrái* «которой» (дат. п. ед. ч.), *geresnėi* «лучшей» (дат. п. ед. ч.) [1, с. 92].

Дифтонги *ai*, *au*, *ei* этих говоров превратились в краткие монофтонги несомненно через ступень редуцированных дифтонгов *ai*, *au*, *ie*, все еще произносимых на южных окраинах территории, например: *laukaĩs ~ laukaĩs* «полями», *lietaĩs ~ lietaĩs* «дождя» (род. п. ед. ч.) *rašĩĩ ~ rašeĩ* «ты писал, -ла» [1, с. 92—93, 119—120].

Обращает на себя внимание тот факт, что в других восточноаукштайтских говорах при монофтонгизации дифтонги не полностью теряют свою исконную долготу. Так, в окрестностях Кирдейкяй (Утянский р-н), Скудутишкиса (Молетский р-н), Лабанораса (Швянченский р-н) безударный *uo* основы слова при монофтонгизации превратился в полудолгий *o* (как и в купишкском говоре), например: *jo.dũmas ~ juodũmas* «чернота», *po.dėli.s ~ puodėlis* «кружка», *so.lā.li.s ~ suolėlis* «скамеечка». Это говорит о том, что монофтонгизация не везде характеризуется одинаковой интенсивностью.

В заключение следует подчеркнуть, что монофтонгизация дифтонгов как в жемайтских, так и аукштайтских говорах прежде всего тесно связана с концентрацией силы голоса при интонировании гласных звуков. В жемайтских формах монофтонгизация дифтонгов происходит за счет второго компонента, так как их акут и циркумфлекс свою силу голоса концентрируют на первом компоненте, в аукштайтских же — за счет первого компонента, так как их циркумфлекс свою силу голоса концентрирует только на втором компоненте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Zinkevičius Z.* Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966.
2. *Grinaveckis V.* Žemaičių tarmių istorija (Fonetika). Vilnius, 1973.
3. *Grinaveckis V.* Dėl lietuvių kalbos tarmių balsio *e* pakitimo heterosilabinių *m, n* aplinkoje.— *Baltistica*, 1977, II priedas.
4. *Jonikas P.* Pagramančio tarmė. Kaunas, 1939.
5. *Salys A.* Lietuvių kalbos tarmės. Tübingenas, 1946.
6. Lietuvių kalbos atlasas. T. I. Vilnius, 1978; T. II. Vilnius, 1982.
7. *Zinkevičius Z. M.* Petkevičiaus katekizmo (1598 m.) tarmė. — *Baltistica*, 1971, VII(1).
8. *Grinaveckis V.* Galūnių trumpėjimas lietuvių kalbos tarmėse.— Vilniaus valstybinio pedagoginio instituto Mokslo darbai, 1959, t. VIII.
9. *Grinaveckis V.* Žemaičių tarmių žodžio galo dėsnių susiformavimas.— *Kalbotyra*, 1963, t. IX (1).
10. *Senkus J.* Kapsų-zanavykų tarmių būdvardžio ir skaitvardžio kaitybės bruožai.— *Lietuvių kalbotyros klausimai*, 1960, t. 3.
11. *Gerullis J. Stang'as Chr.* Lietuvių žvejų tarmė Prūsijoje. Kaunas, 1933.
12. *Girdenis A.* Atvirasis *e* varduviškių (kalvariškių) vardažodžio galūnėse.— *Kalbotyra*, 1972, t. XXIV(1).
13. *Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos dialektologija. Vilnius, 1978.
14. *Baranowski A.* Litauische Mundarten. Bd. I. Leipzig, 1920.
15. *Drotvinas V., Grinaveckis V.* Kalbininkas Kazimieras Jaunius. Vilnius, 1970.